

Н.П. ГОНЧАРОВА, к.с.н., доц.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Алтайский государственный университет»

РИСК СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ ТРУДА: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ АПРОБАЦИИ¹

В статье представлена методология социологического исследования риска социальной эксклюзии на региональном рынке труда. Обозначены теоретико-методологические основы и описана методика исследования. Кратко представлены результаты первого этапа реализации проекта, включающие обзор научной литературы, анализ данных экспертного опроса по проблемам незаконных трудовых практик и развития регионального рынка труда.

Ключевые слова: *риск, социальная эксклюзия, региональный рынок труда, миграция, незаконные трудовые практики, трудовые ресурсы.*

Новейшие тенденции развития экономики, связанные с внедрением современных автоматизированных технологий в общественном производстве, все больше и больше снижают потребность в неквалифицированных работниках. Это, в свою очередь, требует совершенно иных подходов к трудовым ресурсам и определенному соотношению спроса и предложения рабочей силы. Отмеченные тенденции рассматриваются не только на уровне мировых рынков, но и на уровне отдельных государств и регионов. В свою очередь, актуальные потребности инновационного развития регионов требуют от государства и региональных властей определенных действий по развитию и регулированию рынка трудовых ресурсов. Эти действия должны способствовать созданию условий для повышения гибкости рынка, конкурентоспособности рабочей силы, обеспечения эффективной занятости, профессионального образования вступающих в трудовую деятельность, снижения уровня безработицы, устранения нелегальных и полунелегальных

трудовых практик и т.д. Наряду с этим актуализируется и проблема поиска новой социальной роли бизнеса в контексте определения границ его социальной ответственности.

Идея о том, что бизнес должен не только заботиться о прибыли и уплате налогов, которые распределяются государством на решение социально значимых проблем, но и разделить с обществом ответственность за социальную несправедливость, экономическое неравенство и экологические проблемы, участвуя в экономической адаптации социально незащищенных слоев населения, в охране окружающей среды, начала формироваться в развитых странах в конце 60-х – начале 70-х годов XX в. как концепция корпоративной социальной ответственности. В России исследования в данном направлении начались лишь в 2000-2002 гг. Основное внимание в предпринимательских попытках уделяется тем социальным функциям, которые может взять на себя бизнес, при каких условиях он будет максимально заинтересован в выполнении принятых на себя социальных обязательств, что может быть обозначено как социально-ответственное поведение бизнеса, и наоборот.

При этом, важно понимать, как сам бизнес трактует понятие социальной ответственности, насколько его понимание социальной ответственности совпадает с теми реальными практиками, которые он реализует. На деле часто бывает так, что действия предпринимателей приводят к формированию социальной эксклюзии (исключенности) отдельных категорий населения на региональном рынке труда (что и подтверждается результатами экспертных опросов в Алтайском крае в 2010-2012 гг.).

© Н.П. Гончарова, 2013

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-13-22007а(р) «Нелегальная трудовая миграция как риск социальной эксклюзии на рынке труда Алтайского края»

<http://www.donntu.edu.ua/> «Библиотека»/ «Информационные ресурсы»

<http://www.instud.org>, http://www.nbuy.gov.ua/portal/soc_gum/Npdntu_ekon/

Методология проводимого исследования рисков социальной эксклюзии на региональном рынке труда, опирающаяся на системно-структурный и деятельностный подходы, основы институционального анализа, теории миграционных процессов и рынка труда может быть существенно обогащена современными подходами, сложившимися в теориях риска и социальной эксклюзии. Характеристика методологических особенностей указанных теорий и подходов, а также анализ предварительных результатов исследования определяют *цель* данной статьи.

В конце прошлого столетия социологические исследования отечественных и зарубежных ученых выявили ряд новых тенденций в развитии и функционировании мирового сообщества. Исследователи западной, американской и российской науки (У. Бек, Д. Белл, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, Н. Луман, А. Тоффлер, И. Бестужев-Лада, В. Патрушев, А. Субетто, О. Яницкий, Р. Яновский и др. [2; 3; 5; 14; 15]) обоснованно связывают их с фактором риска, характерным для современного общества и распространяющимся на все новые сферы его жизнедеятельности. При этом социально-экономические аспекты в исследовании риска отдельно рассматривают М. Браун, Дж. Диллон, А. Джонсон, Е. Кашдан, П. Лоранг, Ф. Найт, В. Норман, Д. Окрент, О. Ренн, Дж. Роумассет и др. [5; 6].

Обсуждая контуры цивилизации XXI века, исследователи используют разные понятия: «информационное общество», «постиндустриальный мир», «техно-электронная цивилизация» (Д. Белл, Э. Гидденс, А. Тоффлер и др. [3]), однако в настоящее время все чаще используется концепция «общества риска». В ее формирование основной вклад внесли У. Бек, Н. Луман, Э. Гидденс и др. В центре этой теории стоят риски, порожденные техносферой. В отличие от стихийных бедствий, голода, эпидемий, терзавших человечество в прошлом, эти риски предполагают техно-экономические и социально-политические оценки и решения. Такие риски формально согласованы с правовой и социальной структурой общества. Другими словами, за

обеспечение социального благополучия граждан и снижение рискогенности современного общества ответственны социальные субъекты: индивиды, фирмы, государственные учреждения и политики.

Еще в последней трети XX века такое общество было названо «обществом риска». Описывая его, У. Бек говорил об особой стадии развития современности – «индустриальном обществе риска», – связанной с кризисом модернизации. На этой стадии производство материальных благ постоянно сопровождается, а то и вытесняется производством угроз и рисков, приобретающих глобальный и неконтролируемый характер [2; 11]. В результате индивиды и социальные группы постоянно испытывают незащищенность перед систематическими опасностями и рисками, вызванными развитием промышленных и социальных технологий.

По мнению У. Бека, в современном обществе социальные риски в значительной степени вызываются источниками богатства и социально-классовой структурой. «С распределением и нарастанием рисков возникают социально опасные ситуации. В определенном смысле они являются следствием неравенства классов и социальных слоев» [2]. История распределения рисков показывает, что риски, как и богатства, распределяются по классовой схеме, только в обратном порядке. Изначально богатства сосредотачиваются в верхних слоях, риски в нижних. «Бедность притягивает к себе несчастливый избыток рисков. Напротив, те, кто имеет высокие доходы, власть и образование, могут купить себе безопасность и свободу от риска (путем выбора места жительства, обустройства квартиры, питания, отношения к информации и т.д.)» [2]. Это «закон» специфически классового распределения рисков и тем самым обострения классовых противоречий из-за концентрации рисков на стороне бедных и слабых. Это применимо и к государствам, то есть насколько это возможно, риски сконцентрированы в бедных государствах, тогда как богатые страны способны максимально оградить себя от множества рисков.

Тем не менее, рано или поздно рис-

ки современности затрагивают все слои и классы общества, «стирая» между ними социальные различия и границы. Распространяясь стремительными темпами в социальном пространстве, риски несут в себе социальный эффект бумеранга: имеющие богатство и власть сами попадают в опасные ситуации, которые они же произвели и из которых извлекали выгоду [2]. Поэтому, ни отдельный индивид, ни регион, ни государство, порождающие риски, не застрахованы от них.

Появление неопределенности в числе основных характеристик современного общества риска стало результатом изменения традиционных, устоявшихся основ существования социума, которые заключаются в том, что любая традиционная система стремится к устойчивости и равновесию (устойчивость здесь синоним спокойствию, незыблемости, жизнеспособности и т.д.). Поэтому любая попытка нарушения устойчивости – риск, рискованное действие. Модернизм, как отмечает Э. Гидденс, «беспрецедентным образом сметает все традиционные типы социального порядка, подрывая тем самым уверенность индивидов в безопасности и постоянстве окружающего социального и материального мира, в котором они живут и действуют» [2].

В переходном обществе риск возникает одновременно с нарастанием социальных, экономических, политических и других противоречий и отражает определенный период движения этого общества от одного состояния к другому. Степень же риска зависит от остроты и масштаба этих противоречий. Если стабильное общество характеризуется большей определенностью, то есть упорядоченностью и структурированностью, следовательно, большей устойчивостью, благополучием, то нестабильное общество – это общество неупорядоченное, неструктурированное, а значит, с высокой долей неопределенности, неблагополучия.

Как правило, в обществах, проходящих этапы эволюции без социальных потрясений и сохраняющих, благодаря действующим социальным институтам,

относительно устойчивый уровень социального порядка и благополучия, риск принимает латентные формы. Напротив, затяжной характер нестабильности, углубление противоречий и неясность конечной цели преобразований вызывают эскалацию неопределенности и постоянное расширенное воспроизводство риска. Воспроизводимый в таком обществе деятельностный и средовой риск становится частью повседневной жизни людей. Очень часто он не осознается как риск и, следовательно, не контролируется и не преодолевается. В этих условиях выход из одной ситуации риска приводит не к ее устранению, а наслоению новых рискованных ситуаций и, в конечном счете, к формированию среды риска.

Как следует из всего вышесказанного, в условиях стремительно изменяющейся социальной реальности, требующей столь же быстрой адаптации, субъекты социальной жизни лишены традиционных форм социального порядка, определенности и стабильности и оказываются один на один с неопределенностью, непредсказуемостью и риском. А поскольку в современном обществе риск продуцируется самими социальными институтами – экономикой, наукой, политикой и др., то он превращается в фатальную угрозу жизнедеятельности большинства категорий населения. Как интегральная характеристика современности, из вопроса персональной судьбы он превращается в явление социальное, имманентно присущее всем обществам на стадии высокого модернизма.

В качестве еще одного теоретико-методологического подхода к исследуемой тематике можно рассматривать подход, опирающийся на теории бедности, социальной исключенности (экслюзии) и депривации (П. Абрахамсон, Г. Маршалл, М. Вульф, Ч. Гор, Ф.М. Бородкин, З.Т. Голленкова, Л.Н. Овчарова, Л.М. Прокофьева, Н.Е. Тихонова и др.).

Термин «социальная эксклюзия» сложился в исследованиях бедности при изучении таких процессов, как маргинализация, лишения и нищета (депривация). По мнению Чарльза Гора, термин впервые

появился в 1974 году во Франции для обозначения различных социально незащищенных категорий населения. Как отмечает П. Абрахамсон [1], в социальных исследованиях бедности в конце XX в. произошла замена ключевого термина: на смену статичному понятию «бедность», пришла динамичная категория «социальная эксклюзия». Если в концепциях бедности внимание акцентируется на распределении ресурсов и недостаточном удовлетворении потребностей, то в концепциях социальной эксклюзии – на гражданских правах или ограничениях этих прав (таких как ограничение доступа к институтам социальной интеграции).

Социальная эксклюзия рассматривает бедность в широком контексте культурно-этнических, экономических, религиозных условий и анализирует это явление с точки зрения взаимосвязи между бедностью, занятостью и социальной интеграцией. Несмотря на близость с более широко применяемыми и хорошо разработанными категориями депривации и лишения, понятие социальной исключенности, активно используемое, прежде всего, западными исследователями, более продуктивно при анализе ограниченности доступа к институтам, распределяющим ресурсы, и в первую очередь к рынку труда, системам образования, здравоохранения, социального страхования.

Мы также разделяем точку зрения Ф.М. Бородкина, З.И. Калугиной, А.М. Сергиенко и других авторов на понимание сути социальной исключенности [4, 8-10, 13]. При анализе данного феномена различают понятия процесса, ситуации и состояния социальной эксклюзии. Ситуация социальной эксклюзии – объективированные обстоятельства, оказавшись в которых, люди не имеют возможности воспользоваться предоставленными им социальными правами. В ситуации социальной эксклюзии оказываются граждане, чьи права так или иначе ущемляются. Состояние же социальной эксклюзии определяется индивидуальным восприятием ситуации и самоидентификацией. Процесс социальной эксклюзии рассматривается как последова-

тельность состояний, стадий, уровней, глубины, интенсивности относительной социальной депривированности, или как последовательность обстоятельств, переводящих индивида или группу индивидов из нормального состояния в состояние социальной эксклюзии [4]. Вульф М. предлагает следующую классификацию ситуаций социальной эксклюзии: эксклюзия от средств к существованию; от социальных услуг, благосостояния и сетей социальной безопасности; от культуры потребления; от политического выбора; от массовых организаций и солидарностей; от возможности понимания происходящего.

Основными формами проявления социальных эксклюзий являются: 1) *безработица* как эксклюзия от гарантий государства в сфере занятости, от оплачиваемой работы; 2) *бедность* как эксклюзия от средств к существованию в ситуации безработицы и занятости, 3) *неправовые трудовые практики, значительные масштабы теневого рынка труда*, поскольку здесь трудовые права работников не соблюдаются и не могут быть защищены государственными и общественными институтами; 4) *эксклюзия от информации*, приводящая к нарушениям основных прав и свобод человека в социально-трудовой сфере; 5) *эксклюзия от сетей социальной безопасности, социального страхования* [10].

Концепция социальной эксклюзии звучит еще более убедительно в контексте проблемы гражданства и гражданских прав. Классическая концепция трех типов прав (и соответствующих им трех типов гражданства) Гордона Маршалла дает представления о социальной эксклюзии в условиях социального государства, или государства всеобщего благоденствия (*welfare state*). Английский ученый выделяет гражданские (личная свобода, право на собственность, свобода совести), политические и социальные права (на экономическую и социальную безопасность). Традиционные механизмы борьбы с бедностью предполагают необходимость поддержки доходов. Политика, пришедшая на смену ценностям всеобщего благоденствия, подчеркивает важность социальных услуг,

способствующих интеграции, прежде всего таких, как образование и возможность трудиться.

Оценка социальной исключенности (экслюзии), по мнению Н.Е. Тихоновой, основывается преимущественно на двух сложившихся в настоящее время в западной социологической традиции подходах [12]. Первый из них, трактующий социальную экслюзию в широком смысле слова, рассматривает данное явление на макроуровне, с позиций общества, и сосредоточивается на самом факте отсутствия доступа к механизмам интеграции. Ключевым словом при таком подходе выступает «дискриминация» (дискриминационный подход). В соответствии с таким пониманием экслюзии общество представляет собой некое социальное пространство, в центре которого члены общества, составляющие ядро, то есть обладающие всей совокупностью признанных в обществе прав и доступом к ресурсам, позволяющим им вести такой образ жизни, который признается достойным. Далее, в следующем концентрическом круге вокруг ядра находятся те, кто по каким-либо причинам оказываются дискриминируемыми в области реализации определенных прав. Наконец, на периферии социального пространства находятся те, кто являются объектом множественной дискриминации и практически уже растеряли основную часть своих связей с обществом. Фактически именно эта часть социального пространства будет соответствовать принадлежности к группе «исключенных». Классическая трактовка социальной исключенности (социальной экслюзии) в рамках данного подхода, по мнению П. Абрахамсона, это «процесс маргинализации, связанной с ограниченным доступом к социетальным институтам интеграции» [1].

Второй подход рассматривает социальную экслюзию в узком смысле слова, на микроуровне, анализирует положение самих носителей социальной экслюзии и обращает внимание на то, в чем именно проявляется специфика жизненной ситуации членов этой группы по отношению к другим членам общества. В этом случае на

первый план выходит понятие «депривации». Этот подход основывается на идентификации и анализе различных видов общепринятого социального и личностного участия, из которых люди по причине недостатка средств исключаются, на выявлении тех многомерных лишений, которым подвергаются определенные категории населения (депривационный подход). Как правило, депривация понимается как состояние, при котором люди испытывают недостаточное удовлетворение своих потребностей; процесс сокращения или лишения возможностей удовлетворения основных жизненных потребностей индивидов или групп. В социологии используются понятия абсолютной и относительной депривации. Абсолютная депривация – невозможность для индивида или социальной группы удовлетворять свои базовые потребности из-за отсутствия доступа к основным материальным благам и социальным ресурсам: продуктам питания, жилищу, медицине, образованию и т. д. Относительная депривация представляет собой субъективно воспринимаемое и болезненно переживаемое несоответствие «ценностных ожиданий» (блага и условия жизни, которые, как полагают люди, они заслуживают по справедливости) и «ценностных возможностей» (блага и условия жизни, которые люди, как опять же им представляется, могут получить в реальности). При этом носителями экслюзии могут выступать как отдельные индивиды, так и домохозяйства (как правило, длительная экслюзия одного из членов домохозяйства, которую последнее компенсировать неспособно, приводит к экслюзии всего домохозяйства).

Депривационный подход (или оценка бедности через испытываемые лишения) требует учета целого ряда не только материальных, но и социальных индикаторов с целью определения качественного «порога», ниже которого недостаточность душевых доходов приводит индивида или домохозяйство на грань выпадения из привычных социальных связей и общепринятого образа жизни большинства населения определенного региона или страны. Этот

порог по сути и означает социальную эксклюзию, то есть фактическое исключение определенной доли населения из нормальных условий жизнедеятельности. Главным в определении бедности через депривацию является то, что индивид оказывается лишенным чего-либо не по своему выбору, а потому, что не может себе позволить даже изредка это иметь [7; 12].

Однако более глубокое представление о социальной исключенности, на наш взгляд, можно составить на основе сочетания этих двух западных подходов, трактуя эксклюзию как ограничение социальной активности индивида или группы вплоть до их исключения из общественной жизни вследствие барьера реализации социальных и гражданских прав и недостаточного удовлетворения социетальных потребностей из-за нехватки доступа к экономическим, политическим, социальным, культурным ресурсам. Согласно этому тезису в числе социально исключенных оказываются группы наиболее неблагополучных, депривированных людей, к которым относятся самые бедные слои населения (многодетные семьи, одинокие пенсионеры и т.д.), люди по ряду причин не имеющие постоянного дохода (безработные, мигранты, бездомные и т.д.).

Обозначенные теоретико-методологические особенности изучения рисков социальной эксклюзии на региональном рынке труда позволяют поднимать проблемы миграционной мобильности и незаконных трудовых практик в силу их противоречивого влияния на состав населения и рынок трудовых ресурсов региона. С одной стороны, за счет миграции отдельные отрасли экономики региона обеспечиваются более дешевой рабочей силой, происходит процесс инклюзии мигрантов в сферу труда. С другой стороны, недокументированная (незаконная) миграция вкупе с нелегальными трудовыми практиками способствуют возникновению различных форм социальной эксклюзии на рынке труда как самих мигрантов в силу их нелегального статуса, так и усугубляют положение отдельных групп местного населения, ставя их в ситуацию риска социальной

эксклюзии в сфере труда за счет нежелания или невозможности выполнять неквалифицированную низкооплачиваемую работу.

Как было отмечено выше, зарубежные исследователи к ситуациям социальной эксклюзии относят безработицу, особо выделяя ее хронические формы, вынужденную неполную занятость, теневые формы экономической активности, бедность и различного рода дискриминации (по полу, возрасту, месту жительства, этническим характеристикам и др.). Эти формы проявления социальных эксклюзий были выявлены и в ходе первого этапа нашего исследования – экспертного опроса (Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-13-22007а(р)).

Отбор экспертов проводился по четырём основным критериям: 1) формирование концепции социально-экономического развития региона, в т.ч. программ содействия занятости населения, регулирование рынка труда и занятости, формирование госзаказа на необходимых специалистов; 2) профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации специалистов по выполнению государственного заказа; 3) востребованность специалистов, их потенциальное место работы; 4) защита социально-трудовых прав и интересов трудящихся граждан [9].

На основании данных критериев были выделены 4 группы экспертов (общее количество – 60): 1 группа: органы законодательной и исполнительной власти, территориальные управления/отделения федеральных органов государственной власти (n=15); 2 группа: высшие учебные заведения, учебные заведения начального и среднего профессионального образования, учреждения переподготовки и повышения квалификации (n=15); 3 группа: государственные, муниципальные предприятия и учреждения, частные предприятия, ассоциации работодателей (n=15); 4 группа: профсоюзы, общественные организации, партии, движения, фонды, ассоциации наемных работников (n=15). Экспертный опрос проводился в форме полуструктурированного (нестандартизированного) личного интервью, при котором интервьюер руко-

водствовался единым бланком интервью для всех групп экспертов, включающим также и специфические блоки вопросов для разных групп экспертов.

По данным экспертного опроса, положение разных групп населения на современном рынке труда в Алтайском крае неоднозначно: одни группы испытывают большие трудности при трудоустройстве на работу и, тем самым, исключаются из сферы занятости; другие группы дискриминируются по различным признакам; третьи – вынуждены прибегать к неполной или неформальной занятости и пр.

Так, выпускники без опыта работы являются, по мнению экспертов, одной из самых уязвимых групп населения на рынке труда. Большинство экспертов выделили проблему неудобства для работодателя данной категории выпускников именно из-за отсутствия у них опыта, тогда как современному работодателю *«нужны опытные работники, никто не хочет дополнительно вкладывать в молодого специалиста»*. Нежелание брать на работу выпускника объясняется и тем обстоятельством, что *«какое-то время на них нельзя положиться»*, нужно в первое время прививать им определенные навыки и умения. При этом качество подготовки и уровень образования в данном вопросе (среднее специальное или высшее) не имеет большого значения, *«сейчас дипломом о высшем образовании никого не удивишь, поэтому, как правило, новоявленные специалисты начинают получать опыт работы не по специальности, указанной пусть даже в хорошем дипломе»*. Некоторые работодатели все-таки готовы и берут на работу выпускников, если считают, что не понесут ущерба, но, как правило, *«это уникальные случаи, и такие практики, к сожалению, не распространены в нашем крае»*.

Еще одной категорией, испытывающей трудности при трудоустройстве, являются женщины, имеющие несовершеннолетних детей. Неудобной для работодателя эта группа является потому, что нуждается в особой защите при осуществлении трудовой деятельности, а именно обеспечении социальных гарантий, льгот,

которые работодатели не желают предоставлять. Кроме этого, работодателю в этом случае *«сложно использовать гибкий график, такие женщины, как правило, не могут работать в праздники, в ночные смены»*, возникает риск, что работа будет выполняться не в полном объеме. В том случае, даже если работа выполняется в срок и на высшем уровне, всегда может возникнуть проблема оформления больничного листа, что также не выгодно работодателю. По оценкам экспертов, работодатели чаще предпочитают брать на работу женщин, имеющих детей постарше, школьного возраста, действуя по принципу *«если ребенку меньше 3 лет, извините»*. При этом, решение о трудоустройстве данной категории зависит от того, насколько *«гуманен работодатель»*, и поэтому в некоторых организациях края такой проблемы не существует.

Практически в том же «ущемленном» положении, по мнению экспертов, находятся женщины, планирующие иметь детей. Если работодатель узнает, что женщина планирует беременность, он *«в 90% случаев из 100 не примет ее на работу»*. Причины, как правило, те же – необходимость выплачивать пособие и т.п. Считается, что с уходом в декретный отпуск и последующий отпуск по уходу за ребенком, женщина *«выпадает из жизни на 1,5-3 года, и у работодателя следующая головная боль – найти ей замену»*. По оценкам экспертов, в наше время это превращается в условие. Получается противоречивая ситуация – стремление женщин «помочь стране в решении демографической проблемы» никак не защищено государством от потери рабочего места.

«Люди предпенсионного возраста» тоже занимает одно из первых мест в списке самых дискриминируемых работодателями. Это еще одно проблемное направление в социально-трудовой сфере – трудоустройство лиц предпенсионного и пенсионного возраста. Если эти группы работают, то никаких трудностей нет, на них держатся многие предприятия, они *«самые надежные»*. В то же время, при малейшей неприятности на работе, *«оказавшись за*

воротами», найти работу им будет очень тяжело, практически невозможно. Как отмечают эксперты, *«эти люди сегодня находятся в таком взвешенном состоянии, несмотря на то, что большая часть из них работает, дорабатывает до пенсии, что у них сейчас в подсознании панический страх: если они потеряют эту работу, то будут никому не нужны, и доработать до пенсии они практически не смогут»*. Экспертами особо выделена проблема трудоустройства людей после 40-45 лет – именно этот возраст лидирует по количеству отказов при приеме на работу. Причем здесь кризис уравнивал в правах, а точнее, в их отсутствии молодежь и людей старше 45 лет. Сегодня 40 лет – максимальная возрастная граница в большинстве объявлений о вакансиях. И если все-таки, полагают эксперты, работодатели принимают данную категорию на работу, то чаще всего это низкооплачиваемый неквалифицированный труд.

Если взять представителей отдельных профессий (экономисты, юристы, инженеры и пр.), то относительно первых двух, считают эксперты, рынок можно охарактеризовать как более или менее стабильный, менее подверженный текучести, несмотря на его перенасыщенность представителями этих профессий. Исходя из этого, можно выделить два принципиально различных экспертных мнения: одни считают (и их большинство), что юридические и экономические специальности уже не востребованы, рынок ими перенасыщен, отсюда и малый спрос за счет большого предложения этих специальностей на рынке. Другая же часть утверждает обратное – *«эти-то востребованы, проблем не испытывают, потому что по бегущей строке часто требуются люди именно такой профессии»*, *«эти прослойки нашего общества наиболее защищены, т.е. работа бухгалтера, юриста, может быть в принципе найдена всегда»*. В то же время отмечена проблема качества образования и уровня компетенции представителей данных профессий, что в итоге и сказывается на их трудоустройстве.

Относительно рабочих профессий экспертами выдвинута идея их высокой востребованности на рынке труда в настоящее время, сейчас экономика края нуждается в таких профессиях, как *«инженер, строитель, сварщик, мастер по ремонту видео-радио аппаратуры и т.д.»*. Что касается других профессий, то, по мнению экспертов, врачи и педагоги востребованы всегда.

По поводу уволенных с военной службы у экспертов практически не возникло разногласий, большинство высказало мнение, что эта группа населения меньше всего испытывает трудности. Наоборот, эти люди обладают большими преимуществами: военный человек *«привлекает работодателей в первую очередь своей исполнительностью, ответственностью, пунктуальностью»*, такие люди, как правило, устраиваются в правоохранительные органы, частные охранные структуры, открывают собственные службы безопасности. Если военнослужащий имеет профессию, которую можно использовать в народном хозяйстве, то работодатели *«не отказываются брать их на работу, т.к. они добросовестные работники, и приучены исполнять приказы и просьбы начальника»*, отмечают эксперты.

Инвалиды – еще одна категория населения, которая испытывает очень большие трудности при трудоустройстве, это *«неудобная группа для работодателя, которую вообще стараются не брать»*, по мнению экспертов. Все это объясняется тем, что в современных условиях создание в крае рабочих мест для инвалидов затруднено, чаще всего это работа, которую *«инвалид мог бы выполнять на дому, в противном случае работа для него не посильна»*. В связи с необходимостью создания особых условий труда для инвалидов, работодатели очень часто просто оставляют без внимания эту социальную группу. Даже несмотря на налоговые льготы и законодательно закрепленное квотирование рабочих мест в организациях, согласно которому учреждения обязаны трудоустроить определенный процент людей с ограниченными возможностями, работодатели

умудряются «обойти эти нормы». Однако, иногда встречается такое, что инвалиды сами не хотят трудоустроиваться, так как получают поддержку от государства.

Представители отдельных этнических и религиозных групп, по мнению экспертов, при наличии должных профессиональных навыков менее уязвимы при трудоустройстве на работу. Наибольшая трудность – это сложившиеся стереотипы. Как сказал один эксперт, *«если, например, к нам придет человек чеченской национальности, то начинаешь задумываться, конечно, здесь влияет его опыт работы, тогда проблем не будет, а если без опыта работы, я бы подумала раз десять, хотя есть службы безопасности, которые занимаются проверкой личности»*. В качестве еще одного примера влияния социальных стереотипов на трудоустройство этнических групп эксперты отметили, что *«таджиков воспринимают как строителей, им сложно устроиться менеджером в хорошей фирме»*. Отметили эксперты и такие этнические проблемы, как языковой барьер – *«среди разных национальностей есть толковые специалисты, однако если человек не знает русский язык, то точно дальше станка он не уйдет»*. А в целом, у этих групп проблем не больше, чем у других.

Проблема с мигрантами обстоит не так остро, но тем не менее мнения экспертов разделились. Первая экспертная позиция касается того, что мигрантам трудно устроиться, поскольку это такой слой населения, *«за который нет уверенности, что они задержатся долго на одном месте»*. Кроме того, высокие налоговые ставки и штрафы «вынуждают» работодателей принимать мигрантов на работу неформально, либо вообще отказываться от их трудоустройства. Вторая позиция заключается в себе мысль о том, что *«мигранты едут и берутся за любую работу, они хорошо приспосабливаются, наши же работники выбирают»*. Мигранты в данной ситуации выигрывают, хоть они и устраиваются, как правило, на дешевые работы, где идет активная эксплуатация их труда и низкая оплата.

В целом экспертные оценки позволили выделить наиболее дискриминируемые группы населения на рынке труда, к которым можно отнести выпускников без опыта работы, женщин, планирующих и имеющих несовершеннолетних детей, лиц предпенсионного возраста (в равной степени и мужчин, и женщин), инвалидов и лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Соответственно, именно такие категории населения чаще всего и являются основными группами риска социальной эксклюзии, и прежде всего такой формы ее проявления как безработица.

Эксперты «нарисовали» социальный портрет среднестатистического безработного, который бывает трех типов. Первый – это население в предпенсионном возрасте (как мужчины, так и женщины 45 лет и старше), имеющие, как правило, средне профессиональное образование и какие-то производственные специальности, то есть те, которые были заняты в реальном секторе экономики Алтайского края, работали на промышленных предприятиях и попали под сокращение. Второй тип безработного – это молодой человек в возрасте 25-30 лет со средним или среднеспециальным образованием, реже с высшим образованием, не имеющий опыта и стажа работы. Третий тип – это замужние молодые девушки и женщины с несовершеннолетними детьми, не способные, по мнению работодателей, выполнять работу в полном объеме.

Согласно экспертным оценкам, безработица имеет много лиц – это могут быть люди разного пола, возраста, образования. Многое зависит, по мнению экспертов, от работодателя, его принципов и условий. *«Мудрый работодатель возьмет толкового специалиста и практически пенсионера дотянет до выхода на пенсию»* – вот яркий пример социальной ответственности бизнеса.

В Трудовом кодексе Российской Федерации (ст.3) записано: «Каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав. Никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества неза-

висимо от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, политических убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям, а также от других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника».

По мнению большинства экспертов, на деле дела обстоят немного иначе. Конечно, по национальности, расовой принадлежности, вероисповеданию, социальному статусу ущемления как такового не происходит, экспертами отмечается, что это не актуально. А вот такие критерии, как пол и возраст, часто выступают индикатором «негативного отношения» к работнику. Что касается дискриминации по полу, то можно отчетливо выделить мнение экспертов, что *«работодатели отдадут предпочтение мужчине, потому что он надежный работник, он не будет рожать детей»*. В частности, отмечается, что в руководящем составе у нас чаще всего находятся мужчины, тогда как *«женщина – это рабочая лошадь»*.

Дискриминация по возрасту выражается в том, что все работодатели хотят взять работников от 25 до 45 лет с опытом работы. В итоге страдает молодежь без опыта работы и люди предпенсионного возраста. Эксперты указывают и на стигматизацию молодежи, в отношении которой становится все более распространена ситуация, когда они *«проходят ШРМ – школу рабочей молодежи: т.е. сегодня принимается девочка, мальчик, отработал(а) недели 2-3, месяц-два от силы, ей(ему) показывают на дверь, на ее(его) место приглашают тут же. Как правило, в этих организациях постоянно идет информация о том, что им требуются, требуются и требуются»*. То есть молодых людей работодатели попросту используют для выполнения той или иной работы, предлагая низкую оплату труда под предлогом «ученичества, стажерства». Хотя отмечаются и положительные тенденции, некоторые работодатели (преимущественно

но в сфере образования, банковской деятельности, управления) *«стараятся брать людей, которые профессионалы в своей деятельности, мобильны и ориентированы во всех сферах, идет чистка «старого» персонала»*.

Еще одной формой проявления социальной исключенности на региональном рынке труда является недокументированная (неформальная) занятость. Оценивая распространенность данного явления, все эксперты проявляют единодушие в том, что это очень распространенная проблема в Алтайском крае, по их оценкам, от 50 до 70% населения – неофициальные занятые. Причем это явление характерно как для бюджетных, так и для частных, коммерческих организаций. Однако, если в бюджетных организациях сами работники находят себе недокументированные занятия, источники дохода, предпочитая их в качестве «подработки» к основной деятельности, тогда как на частных предприятиях занятость не документируется работодателем с целью получения выгоды, для снижения налогового бремени, избавления от необходимых отчислений в пенсионный фонд, фонд социального страхования и другие.

Некоторые эксперты особо подчеркивают, что такое явление, прежде всего, затрагивает молодую часть населения. Поскольку молодежь менее знакома со своими трудовыми правами, меньше задумывается о *«завтрашнем дне»*, *«живет одним днем»*, то есть вопросы официального трудоустройства и получения социальных гарантий для них не столь актуальны.

К сожалению, анализ мнений экспертов позволяет сделать вывод о том, что недокументированная занятость – «нормальное» явление, *«там, где это существует, способствуют сами люди, когда соглашаются на такой вид работы, если бы человек не голосовал своими поступками, не создавал предпосылок для таких условий, такого бы не было»*, люди *«все равно, как правило, готовы где-то там подработать неформально, что-то где-то зарабатывать»*. Таким образом, необходимость преодоления этой проблемы, принятия специальных мер государственного реаги-

рования должна быть актуализирована в сознании экспертов, ведь социальная исключенность отдельных категорий экономически активного населения из сферы занятости является острой социальной проблемой. Безработица приводит не только к снижению доходов, потере квалификации и трудовых навыков, нравственной и психологической деградации личности, ухудшению здоровья, но и росту социальных девиаций, усилению социальной напряженности на рынке труда и в обществе в целом.

Результаты исследования рисков социальной эксклюзии на региональном рынке труда могут быть использованы при проведении мониторинговых исследований с целью отслеживания негативной динамики в происходящих процессах и своевременного принятия соответствующих управленческих решений. В этой связи исследования социальной ответственности бизнеса как одного из способов преодоления социальной эксклюзии на рынке труда могут существенно обогатить имеющиеся научные данные по анализируемой проблематике.

Литература

1. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность / П. Абрахамсон // *Общественные науки и современность*. – 2001. – №2. – С. 158-166.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Бек У. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования: Пер. с англ. / Д. Белл. – М.: АСТ, 1999. – 949 с.
4. Бородкин Ф.М. Преодоление социальной эксклюзии: новые подходы / Ф.М. Бородкин // *Россия, которую мы обретаем* / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 507-537.
5. Луман Н. Риск, неопределенность, случайность / Н. Луман // *THESIS*. – 1994. – №5. – С. 135-160.
6. Найт Ф. Понятие риска и неопределенности / Ф. Найт // *THESIS*. – 1994. – №5. – С. 12-28.
7. Овчарова Л.Н. Альтернативные подходы к определению бедности / Л.Н. Овчарова, Л.М. Прокофьева // *Куда идет Россия: трансформация социальной сферы и социальная политика*. – М., 1998. – С. 209-218.
8. Преодоление (материалы Международной весенней школы «Социальные эксклюзии в переходном обществе: пути преодоления») / Под ред. Ф.М. Бородкина. – Новосибирск, 2000.
9. Рынок труда Алтайского края: демографические вызовы: монография / Чирков М.О., Гончарова Н.П., Родионова Л.В., Родионова О.Е., Тарасова Е.В. / под ред. М.О. Чиркова; Алтайский государственный университет. – Барнаул: Концепт, 2010.
10. Сергиенко А.М. Экономическое поведение населения и социальные эксклюзии на сельском рынке труда / А.М. Сергиенко и др. // *Региональные проблемы социально-экономического развития АПК: Труды седьмой междунар. науч.-практ. конф. НАЭКОР (21-22 мая 2003 г.)*. – Барнаул, 2003. Вып. 7. Т. 2. Ч. 2. – С. 158-169.
11. Титаренко Л. Социально-культурные угрозы в условиях глобализации / Л. Титаренко // *Безопасность Евразии*. – № 3(13). – 2003. – С. 497-509.
12. Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России / Н.Е. Тихонова // *Мир России*. – 2003. – № 1. – С. 36-84.
13. Чернина Н.В. Эксклюзия сельского населения: опыт социологического исследования / Н.В. Чернина // *Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений*. – Новосибирск, 1996. – С. 80-96.
14. Яницкий О.Н. Россия как общество риска: социально-экономический аспект современного социологического анализа теневых отношений / О.Н. Яницкий // *Перспективные направления развития теоретической социологии в России рубежа XX-XXI веков* / Под ред. В.А. Мансурова, С.И. Григорьева. – Москва-Барнаул, 2003.
15. Яновский Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность / Р.Г. Яновский. – М.: Academia, 1999. – 358 с.

Статья поступила в редакцию 12.04.2013